

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2023.36.58.015

Изучение аллюзивных антропонимов с герменевтической точки зрения

Нестеренко Юлия Анатольевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры «Профессиональные коммуникации»,
Российская открытая академия транспорта,
125315, Российская Федерация, Москва, ул. Часовая, 22/2, стр. 1;
e-mail: jun77@rambler.ru

Аннотация

Цель статьи – изучить природу аллюзивных антропонимов и раскрыть понятие интертекстуальности, основанные на концепциях герменевтики, а также всесторонний анализ аллюзивных антропонимов и изучение их типов. Статья посвящена изучению типов и функций аллюзий в тексте, восприятию читателем и связи с сконструированной средой и источниками. Как средство создания искусственной среды, аллюзия вызывает различные культурные элементы и множественные связи до создания письма и в то же время выполняет важные семантические, концептуальные и эстетические функции. Темой исследования было стилистическое использование антропонимов в функции аллюзий. Оно уже давно широко используется в прессе и художественной литературе. Предметом исследования является изучение типов аллюзий, основанное на анализе английских литературных и публицистических текстов. Актуальность данного исследования обусловлена важностью всеобъемлющего антропоморфизма как единицы с богатой лингвокультурной семантикой, и этот анализ может выявить особенности взаимосвязи между языком и культурой англоязычного языкового и культурного сообщества, что в будущем может привести к возможности расшифровки культурного кода английского языка и культурного сообщества.

Для цитирования в научных исследованиях

Нестеренко Ю.А. Изучение аллюзивных антропонимов с герменевтической точки зрения // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 2А-3А. С. 126-133. DOI: 10.34670/AR.2023.36.58.015

Ключевые слова

Аллюзия, антропонимы, герменевтика, язык, интертекстуальность.

Введение

В плане организации ономастического пространства как определенной стилистической категории особый интерес представляют тексты англоязычной литературы, иллюстрирующие употребление и реализацию иллюзий. Так, элементы аллюзии в антропонимике произведения могут рассматриваться как системообразующий фактор. В тексте произведения человеческие имена выполняют самые разные функции: местоименную, идеологическую, эстетическую, статусную и эмоционально-оценочную. Изучение аллюзивных антропонимов в тексте художественного произведения представляется важным в современной стилистике, о чем свидетельствуют многочисленные работы, посвященные стилистическим функциям антропонимов, их взаимосвязям, которые касаются реализации того или иного образа, роли автора, замысел произведения.

Одной из крупнейших форм реализации педагогического знания являются тексты, совокупность которых рассматривается как проблема педагогики. Текст – это многомерная структура с множеством значений, и часть задачи состоит в том, чтобы обнаружить эти значения. Философское направление, которое ставит перед собой именно задачу истолкования текста, имеет много общего с областью языкознания и, в частности, со стилистикой. Непосредственно в контексте того или иного произведения антропоним приобретает богатство и разнообразие ассоциативных связей. Следовательно, прежде чем подойти вплотную к природе аллюзивных антропонимов, необходим детально изучить сам текст, представляющий реализацию познания бытия гуманитарными науками.

Основная часть

Герменевтика дает возможность изучать особенности употребления антропонимов как в тексте, так и за его пределами. Данное направление исследует отражение элементов реальной и вымышленной картины мира, а также взаимодействие на основе их индивидуального преломления и применения в творчестве каждого писателя и отдельного текста. Однако, не следует забывать о важном процессе переживания, который лежит в основе художественных норм самовыражения человека. Подробно разработанная методика понимания текста принадлежит философу В. Дильтею, который подчеркивал, что истинность в объективном смысле недостижима, а оценка осуществляется с помощью иных категорий, например, правды, лжи, эстетических оценок. Также и многие стилисты неоднократно подчеркивали, что при исследовании какого-либо текста нужно подходить к нему с различных сторон, учитывая различные аспекты лингвистического анализа.

Общим основанием для выявления способов понимания является язык, строго говоря, язык культуры, который влияет на то, как информация воспринимается и сообщается во внешний и духовный мир. Таким образом, люди одной культуры, люди одной расы могут понять то, что люди другой культуры требуют разного понимания. Таким образом, антропоморфные имена в зависимости от степени известности тезки могут рассматриваться, по С. Перкасу, как «воплощенные» – «бестелесные». Автор утверждал, что «применение таких словосочетаний повышает требования к уровню знаний, опыта, культурной принадлежности учащегося. При удачной реализации предложения усиливают эстетическое воздействие документального фильма на читателя. Этот эффект основан на сложных отношениях, связывающих данный текст с фоном языка. С помощью коннотативных человеческих имен текст как бы «привязывается» к

людям и событиям разных времен, культур, а также к другим художественным текстам. Это связано с разнообразием сказуемых человеческих местоимений. Они содержат имена исторических личностей, мифических персонажей, великих писателей, отсылки к историческим событиям [Перкас, 1991, 38].

Следовательно, понимание аллюзивных антропонимов основывается на понятии «жизнь», философском единстве и единстве разума и материи. Это всегда какое-то субъективное понимание, которого на самом деле не существует. Проблема обретения смысла решается философией через диалектику чтения и понимания вводимого ею текста, при этом читатель, еще до прочтения текста, ожидает в результате найти какое-то озарение.

Под аллюзией принято понимать скрытый, имплицитный намек на широко известный, всегда единичный, факт истории, культуры или литературы как части последней. С ней тесно связано понятие коннотации, т.е. компонента значения слова или сверхсловной единицы (устойчивого оборота той или иной степени окаменелости), дополняющего объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии при помощи осознания внутренней формы и беспокойной экспрессивной окраски. Коннотация, как совершенно ясно из сказанного выше, не локализована, она как бы разливается по тексту, создавая эффект многоголосия. Наличие длинного ряда коннотаций свойственно лишь языку, в котором возможна их адекватная реализация.

Учитывая соотношение между языком и метафорой, необходимо признать, что понимание, по М. Хайдеггеру, возможно только в языке, который является важнейшим ресурсом человеческого существования, при следующем. язык обладает онтологически самостоятельным качеством, он подчинен бытию, а не только его собственности. Таким образом, понимание является не столько результатом языкового понимания, сколько признанием целостного сознания по отношению к бытию и миру. Средством выявления этого отношения может выступать философия в паре с лингвистикой.

В рамках герменевтики возможно воссоздать культурный контекст, в котором было создано произведение, что позволит четче понять его смысл. Однако, герменевтик не должен вживаться в авторский мир, его задача – найти современный смысл и значение, актуализировать его для современников. Так же и для стилистики основной задачей в изучении аллюзивных антропонимов становится раскрытие проблемы интертекстуальности с точки зрения современных взглядов потребностей. Во всем постмодернистском мировоззрении интертекстуальность рассматривается как единственный механизм, с помощью которого генерируются тексты. Поэтому представляется более целесообразным следовать следующему определению интертекстуальности: «Мы будем называть это интертекстуальным взаимодействием внутри одного текста. Для знатока интертекстуальность – это признак того, как текст читается и включает в себя историю.

Отношения между текстами нельзя рассматривать как тексты, ранее созданные путем чисто механического встраивания (их элементов) в создаваемый текст. В рамках концепции постструктурализма (ведь именно этому направлению велись критические исследования этого феномена) интертекстуальность тесно связана с положением о том, что «мир есть текст» изобрел И.С. Деррида.

В соответствии с этим принципом вся человеческая культура считается единым документом, вступающим в бытие, то есть единым документом, то есть единым взаимосвязанным документом. Все открытые тексты в этом случае являются, с одной стороны,

по существу одним и тем же свидетельством (традиционным содержанием, литературной традицией), а, с другой стороны, интертекстуальными, если культурными.

В герменевтике на совокупности культурных (общественных, этнических, религиозных) традиций, внутри которых развивается личность, базируется сознание исследователя, т.е. «предпонимание». Немецкий философ Х.Г. Гадамер определяет характер будущего понимания термином «горизонт понимания». Традиции выступают методом культурного обоснования, так как они навязывают индивидуальное понимание, которое поколениями закрепилось в данной культуре. Традиционными формами выражения являются язык, литература, которые являются объектом герменевтического исследования. Стилистически эта сложность ярко проявляется в следующем: «Каждый текст есть интертекст; он содержит другие тексты разного уровня в более или менее знакомых формах: тексты античной культуры и тексты окружающей культуры. Каждая буква – это новая ткань, сотканная из старых фраз. Как и любой документальный фильм, интертекстуальность нельзя свести к проблеме источников и влияний; это обычное поле общедоступных доменных имен, происхождение которых редко обнаруживается, выражения, которые неизвестны или автоматически присваиваются без кавычек» [Ильин, 1996, 226]. Следовательно, понимание аллюзий и интертекстуальности заключается в поиске смыслов, содержащихся в языке в виде переплетения субъективных и объективных предпосылок. Язык является условием познавательной деятельности человека.

Язык – важная черта человеческого существования, и понимание превращается из способа познания в способ существования. Гадамер рассматривает понимание как момент человеческой жизни.

Понимание интертекстуальности можно рассматривать и в другом аспекте, например, наличие двух или более текстов в одном тексте, осуществляемое такими методами, как цитирование, подказка, плагиат. Таким образом, выделяется «промежуточный тип использования» чужого текста, в котором цитата не является сознательной ссылкой на исходный текст. Когда есть единое текстовое поле, становится ясно, что тексты свободно переходят друг в друга. В едином культурном пространстве, среди прочего, существуют тексты, обладающие определенным неоспоримым «авторитетом», который в результате традиций, существующих в данной культурной среде, воспринимается ими как источник безусловных аксиом. Таким текстом является, например, Библия, и цитаты и ссылки из ее текстов буквально охватывают все тексты, созданные в Новое время.

По мнению Топорова, «великий текст» «живет вечно и всюду, как чистое творчество, как пространственно-временное преодоление всего, достижение высшей свободы» [Топоров, 1983, 84]. Наличие таких невербальных «компетенций» также способствует созданию (и успешному существованию) определенного «мира текстов», поскольку такой текст выступает в качестве непрерывного интертекста (в форме аллюзий, в том числе аллюзионных антропонимов). Инклюзивный антропоним служит признаком модели ситуации, с которой посредством ассоциаций соотносится текст, содержащий аллюзию [Христенко, 1992, 79]. Таким образом, существует взаимодействие между литературными и художественными произведениями, которое называется аллюзионным процессом.

Другими словами, аллюзия проявляется как заимствование определенного элемента из чужого текста, который служит ссылкой на исходный текст, является признаком ситуации и действует как средство идентификации определенных фиксированных характеристик. Аллюзия – это интертекст, элемент существующего текста, включенный в созданный текст. При этом

интертекстуальность объясняет, прежде всего, возможность взаимного проникновения текстов, их существование в едином пространстве в виде единого текста, которым является вся человеческая культура. Указательные антропонимы играют важную роль в формировании вертикального контекста произведения. Их, С. Перкас считает, что к группе Z можно отнести: имена собственных авторов других художественных произведений; имена собственных героев других художественных текстов; названия других художественных произведений.

В процессе обучения следует помнить, что указательные антропонимы, присутствующие в исходном тексте, неявно содержат богатую информацию, которая должна быть передана в тексте перевода, как часть его значения. Отдельную группу аллелективных антропонимов составляют имена, лексический фон которых совпадает в русском и английском языках.

Например, ассоциации, существующие у антропонима «Робинзон Крузо» в русском и английском языках будут одинаковыми благодаря известности в России романа Д. Дефо «Робинзон Крузо». Информация, составляющая содержание лексического фона антропонимов в английском и русском языке, может быть одинаковой, но доступной ограниченному количеству носителей языка. Таковыми, например, являются мифонимы. Вероятно, в данном случае переводчику придется сделать сноску в тексте с тем, чтобы растолковать читателю информацию, содержащуюся в аллюзивном антропониме.

Во второй группе аллюзивных антропонимов лексический фон в английском и русском имени собственном не совпадают, что требует отдельного переводческого решения. Например, антропоним «Микки Маус» вызывает следующие ассоциации: дешевый, подчиненный, бессмысленный, фальшивый, нечестный». Безусловно, никаких подобных значений у антропонима «Микки Маус» в русском языке не существует. Третья группа антропонимов – это имена, в которых лексический фон присутствует только в английском языке и которые неизвестны русскоязычным реципиентам. К ним относятся человеческие имена, отражающие опыт англоязычных стран и составляющие их особую историю. Такие человеческие имена нельзя использовать в письменной форме; необходимо дать им сноску, содержащую интерпретацию предыстории слов, адаптированную соответствующим образом. В таблице этого доказательства найдено значение антропонимов структурной части компонентного состава – их значение (сигнификат) [Ермолович, 1981, 58].

Используя терминологию Д. Ермоловича, в сигнификате антропонима можно выделить:

- бытийный или интродуктивный компонент, отражающий предметность обозначения;
- классифицирующий компонент, несущий признаки того класса, в пределах которого происходит наречение; он отражает социально закрепленное представление о данном классе предметов (денотатом) и «вводит» в денотативный ряд;
- способность аллюзивных антропонимов отражать определенные общественные явления на примере «судеб» его конкретных представителей связывается с наличием у них классифицирующего компонента значения. Такие антропонимы называются классификаторами.

Классификаторами являются имена собственные, переосмысленные в рамках модели «человек – человек» что можно показать на следующих примерах. Florence Nightingale (the British nurse who served in the military hospital at Scutari during the Crimean War? 1854-56) a devoted nurse. Эти же модели составляют границы их функционирования в речи: «I only hope you're feeling better», he said. «But I'm sure you are, with so charming a Florence Nightingale to attend you». Максимальная обобщающая способность классификаторов является следствием

распространения их классифицирующего компонента за счет включения в него индивидуальных признаков референта исходного имени собственного, то есть лица или объекта, имена которых послужили основой для переноса.

В качестве исходных референтов могут выступать конкретные исторические лица, библейские, мифологические, литературные персонажи. Так, личный друг будущего короля Георга IV Джордж Брайен Бруммель (George Byan Brummel, 1778-1840), являющийся законодателем мод и обладающий щегольской наружностью, за что получил прозвание Красавчик (Щеголь) Beau Brummel – исторически конкретное лицо. Индивидуальные признаки этого лица (щегольски приятная наружность, законодатель мод) были включены в классифицирующий компонент его имени, и теперь оно в переносном смысле означает «щеголь». Индивидуальный признак персонажа библейской притчи об Ионе (Jonah) – навлекать несчастье – заключен теперь в классифицирующем компоненте этого имени. Любой человек, приносящий несчастье – Jonah. Частое использование письменных воспоминаний в речи, умение эффективно использовать их в своих коммуникативных целях, объем и тип письма, составляющие основу письменных воспоминаний, являются важными показателями, гарантирующими, что индивидуум-каждый представлен как языковая личность.

В большинстве случаев ясно ощущается признак, лежащий в основе метафорического переноса, и использование антропонима в качестве сравнения, т. е. полного отрыва от имени собственного и свойств его денотата не происходит. «Новое предметно – логическое значение антропонима и исходное назывное являются лексико – семантическими вариантами одного слова» [Суперанская, 1973, 157].

Заключение

В целом при изучении аллюзивных антропонимов, необходимо тщательное рассмотрение окружающего контекста, в частности, используя философские основы герменевтики. Ведь именно герменевтика усматривает основную проблему философии в проблеме языка и, наряду с объективным научным сознанием, доверяет косвенным свидетельствам сознания, воплощенным в речи.

Библиография

1. Борискина О.О. (ред.) Языковая картина мира в зеркале перевода: сборник научных трудов. Воронеж, 2019. 315 с.
2. Ермолович Д.И. Функционально-семантические особенности индивидуализирующих знаков. М., 1981. 181 с.
3. Журавлева Е.А. (ред.) Русский язык в XXI веке: исследования молодых. Астана, 2018. 296 с.
4. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 286.
5. Калиущенко В.Д. (ред.) *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2020. Т. 16. Вып. 4 (50). 137 с.
6. Перкас С.В. Литературные аллюзии с использованием имен собственных – связующее звено между художественными текстами. Абакан, 1991. С. 231.
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. 167 с.
8. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 284.
9. Христенко И.С. К истории термина «аллюзия» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1992. Вып. 6. С. 38-44.

The study of allusive anthroponyms from a hermeneutical point of view

Yuliya A. Nesterenko

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Professional Communications,
Russian Open Academy of Transport,
125315, b. 1. 22/2, Chasovaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: jun77@rambler.ru

Abstract

The purpose of the article is to study the nature of allusive anthroponyms and to reveal the concept of intertextuality based on the concepts of hermeneutics, as well as a comprehensive analysis of allusive anthroponyms and the study of their types. The article is devoted to the study of the types and functions of allusions in the text, the reader's perception and connection with the constructed environment and sources. As a means of creating an artificial environment, allusion evokes various cultural elements and multiple connections prior to the creation of writing and at the same time performs important semantic, conceptual and aesthetic functions. The topic of the study was the stylistic use of anthroponyms in the function of allusions. It has long been widely used in the press and fiction. The subject of the research is the study of the types of allusions based on the analysis of English literary and journalistic texts. The relevance of this study is due to the importance of comprehensive anthropomorphism as a unit with rich linguistic and cultural semantics, and this analysis can reveal the features of the relationship between the language and culture of the English language and cultural community, which in the future may lead to the possibility of deciphering the cultural code of the English language and cultural community.

For citation

Nesterenko Yu.A. (2023) Izuchenie allyuzivnykh antroponimov s germeneticheskoi tochki zreniya [The study of allusive anthroponyms from a hermeneutical point of view]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 13 (2A-3A), pp. 126-133. DOI: 10.34670/AR.2023.36.58.015

Keywords

Allusion, anthroponyms, hermeneutics, language, intertextuality.

References

1. Boriskina O.O. (ed.) (2019) *Yazykovaya kartina mira v zerkale perevoda: sbornik nauchnykh trudov* [Linguistic picture of the world in the mirror of translation: a collection of scientific papers]. Voronezh.
2. Ermolovich D.I. (1981) *Funktsional'no-semanticheskie osobennosti individualiziruyushchikh znakov* [Functional-semantic features of individualizing signs]. Moscow.
3. Il'in I.P. (1996) *Poststrukturamizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Post-structuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow.
4. Kaliushchenko V.D. (ed.) (2020) *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 16, 4 (50).
5. Khristenko I.S. (1992) K istorii termina «allyuziya» [On the history of the term "allusion"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology], 6, pp. 38-44.
6. Perkas S.V. (1991) *Literaturnye allyuzii s ispol'zovaniem imen sobstvennykh – svyazuyushchee zveno mezhdu khudozhestvennymi tekstami* [Literary allusions using proper names as a link between literary texts]. Abakan.
7. Superanskaya A.V. (1973) *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper name]. Moscow.

-
8. Toporov V.N. (1983) Prostranstvo i tekst [Space and text]. In: *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow.
  9. Zhuravleva E.A. (ed.) (2018) *Russkii yazyk v XXI veke: issledovaniya molodykh* [Russian language in the 21st century: studies of the young]. Astana.